
FANULA PAPAZOGLU, Srednjobalkanska plemena u predrimsko doba, Centar za balkanološka ispitivanja, Sarajevo, 1969, 497 стр.

В издании Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины в 1969 г. вышла книга проф. Белградского университета Фанулы Папазоглу «Среднебалканские племена в доримскую эпоху». В югославской литературе о далеком прошлом Балкан обычно внимание уделялось таким племенам, как яподы, либуры, далматы, ардиэи, тавланты, населявшим восточное побережье Адриатического моря (или территории, прилегающие к нему), которые играли активную роль в исторической жизни и о которых нередко писали античные авторы. Монография Ф. Папазоглу впервые представляет связную историю племен внутренней части Балкан, которая была периферией средиземноморского мира.

Поставив цель систематизировать данные источников и мнения современных историков о племенах среднебалканской области в доримскую эпоху, Ф. Папазоглу написала обширную исследовательскую работу. Объектом ее изучения являются пять племен — трибаллы, автариаты, дарданы, скордиски и мезы. Приблизительные хронологические рамки — вторая половина I тыс. до н.э. Источниками служат скрупулезно собранные фрагменты античных авторов, несколько надписей и несистематический, весь-

ма бедный археологический материал. «Обескураживающая», по выражению автора, бедность источников объясняется тем, что в отличие от средиземноморских народов эти племена не тесали камень, не вялили, не рисовали, не писали; во всяком случае археологи пока не смогли поколебать этого вывода автора. Помимо всего, еще предстоит определить, к какому этническому элементу относятся некоторые обнаруженные материальные остатки. В литературных источниках речь идет в большинстве случаев лишь о междоусобной борьбе племен или войнах с македонцами и римлянами. Подобное состояние источников собственно и придало книге, как замечает автор, исследовательский характер.

Отметив, что территория племен приблизительно совпадала с областью позднейшей римской провинции Верхняя Мезия, Ф. Папазоглу предупреждает читателя о том, что в ее задачу не входило излагать предисторию этой провинции, поскольку, когда римская оккупация положила конец свободному развитию среднебалканских племен и была создана провинция, трибаллы, автариаты, дарданы, скордиски и мезы находились между греко-македонским югом, иллирийским западом и фракийским востоком, занимая периферию всех трех. Частые миграции и военно-грабительские походы придали разнородный и смешанный характер населению этого района. Так, трибаллы в этническом отношении, по мнению автора, стоят ближе к фракийцам, чем к иллирийцам, а дарданы — наоборот, автариаты — иллирийцы, тогда как мезы — фракийцы (северная ветвь), наконец, скордиски — кельтского происхождения. На наш взгляд, Ф. Папазоглу, безусловно, права, когда полагает, что миграции и военные нашествия непрестанно меняли этнический облик племен. В связи с этим хотелось бы заметить, что, например, Г. Алфелди считает, что паннонские племена, проживавшие в Северной Далмации, представляли собой «однородное этническое единство»¹.

Не составляя единого целого ни в этническом, ни в политическом отношении, пять племен были тесно связаны географической средой и историческими судьбами. Факты внешней истории каждого из племен рассматриваются отдельно, поэтому первая часть книги состоит из пяти разделов, расположенных в порядке вступления этих племен на историческую арену. Во второй части труда (шестой и седьмой разделы) описаны политическое устройство, социально-экономические отношения, а также быт, нравы и религиозные представления. Это описание автор распространяет на все племена, так как источники, относящиеся к этим сторонам жизни, невероятно скудны. Взятая в целом, история среднебалканских племен охватывает период от V до н.э. Наиболее рано (со второй половины V в.) в орбиту греков попадают трибаллы. Закрепление римлян в Македонии в середине II в. до н.э. и их проникновение далее к северу в течение I в. до н.э. прервало естественное развитие племен внутренней части Балкан. Позже всех из них заявляют о себе мезы — в начале I в. до н.э. В источниках они появляются лишь в связи с римскими завоеваниями.

Трибаллы описаны начиная со второй половины V в. и вплоть до римского господства. По мнению Ф. Папазоглу, настоящий «выход» трибаллов на историческую арену связан главным образом с дунайским походом Александра Македонского в 335 г. до н.э. Примерно в это же время, судя по Диодору (XV, 36), они были частично вытеснены из области болгарской Моравы и Тары автариатами, пришедшими в движение под давлением кельтов (Strabo, VII, 5, 11). Ссылаясь на данные источников (Paus., X, 19, 7; Just., XXV, 2—3), автор пытается опровергнуть мнение, согласно которому трибаллы эмигрировали к дельте Дуная (стр. 43 сл.). Далее описана борьба с автариатами, скордисками и гетами, очерчиваются границы их владений в период независимости (с V в.), а также в римскую эпоху, включая время Империи. При рассмотрении этногенеза трибаллов автор отвергает гипотезу В. Георгиева, согласно которой существовал отдельный дако-мезийский язык, к которому относился и язык трибаллов. Ф. Папазоглу считает достоверным лишь то, что их территория в античном мире считалась фракийской и их связи с фракийцами были древнее и прочнее, чем с иллирийцами. Не

¹ G. Alföldy, Die Bevölkerung und Gesellschaft der römischen Provinz Dalmatien, Budapest, 1965, стр. 52.

вызывает сомнений также и то, что в историческую эпоху они смешались с фракийскими и иллирийскими элементами. Можно было бы определеннее говорить о происхождении трибаллов лишь в том случае, если бы мы располагали их языковым материалом до этого смешения. Но такого материала не существует и поэтому автор на основании нарративных источников приходит к выводу, что трибаллы представляли обособленную этническую группировку в северной части средних Балкан, тяготеющую преимущественно к фракийцам (стр. 61—64).

Локализуя страну автариагов, которые вторглись на среднебалканскую территорию с иллирийского запада в конце IV в. до н. э., Ф. Папазоглу полагает, что она находилась восточнее, чем предполагали исследователи до последнего времени, и достигала границ дарданов и трибаллов. Миграцию автариагов к северо-западному побережью Черного моря автор относит примерно к 310 г. до н. э., когда они отходили под давлением кельтов, вторгшихся в Иллирию. Отнюдь не возражая против такой датировки, я все же склонен считать, что их перемещение могло произойти в 279/8 г., когда они, по-видимому, были втянуты кельтами в поход на Дельфы. Автор, говоря о полустолетнем периоде истории автариагов, с 335 до 279 г., косвенно подтверждает это мнение. В подтверждение 310 или 279/8 г. хотелось бы сослаться на датировку (дикрета Протогена, на основании которого в свое время Г. Циппель относил переселение автариагов под давлением скордисков примерно к 105 г. до н. э.² Надпись на памятнике изготовлена в промежутке между 279 и 213 г. до н. э.³ или самое позднее — около 180 г. до н. э.⁴ Декрет датируют (на основании формы и особенностей букв) концом III или началом II в. до н. э.⁵ Следовательно, надпись в честь Протогена не может упоминать переселение, произошедшее в 105 г. до н. э. Что касается этногенеза автариагов, то автор не ставит под сомнение их иллирийское происхождение.

Больше внимания в монографии уделено дарданам. По сравнению с другими племенами здесь дана более определенная локализация границ Дардании (стр. 143 сл.), для чего использованы свидетельства античных авторов (главным образом Полибия и Ливия) о войнах дарданов в доримскую эпоху, данные географов и эпиграфические памятники, относящиеся к римской эпохе, когда Дардания входила в южную часть римской провинции Верхняя Мезия. Касаясь сложного вопроса об этногенезе дарданов (стр. 161 сл.), автор приходит к выводу, что, несмотря на сильный фракийский элемент в восточной части Дардании, дарданы в основе своей были иллирийским народом.

Основание племенного союза скордисков во главе с Бафанатом в районе междуречья Савы и Моравы Ф. Папазоглу связывает с кельтским нашествием 280/79 г. до н. э. Однако следует при этом заметить, что начало истории скордисков вполне допустимо передвинуть на столетие раньше, так как многие исследователи приводят убедительные доводы в пользу того, что скордиски обосновались в местности между Савой и Дравой уже в первой четверти IV в., а позже в долинах по нижнему течению Моравы, откуда вытесняли трибаллов⁶. Ф. Папазоглу согласна с мнением, что скордиски — кельтский народ, несмотря на весьма спорные свидетельства Флора (III, 4) и Аппиана (Иллыр., 5).

Поместив на 282 стр. карту земель, автор предостерегает против идентификации ее с обширной территорией, занимаемой скордисками в период своего могущества. Сразу же вспоминается предположение А. Мочи (RE, Suppl. 9, 1962, стб. 527 сл.) о том, что с середины II в. до н. э. владения скордисков, включавшие чуть ли не всю Пан-

² G. Z i p r e l, Die römische Herrschaft in Illyrien bis auf Augustus, Lpz, 1877, стр. 153.

³ W. A. S. S c h m i d t, Das Olbische Psephisma zu Ehren des Protogens, «Rheinisches Museum für Philologie», 4 (1835—1836), стр. 357 сл.; В. В. Л а т ы ш е в, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 82, 86.

⁴ Ф. С л ю с а р е н к о, Грецько-скіфські взаємовідносини II ст. до р. Хр., «Науковий ювілейний збірник Українського університету в Празі», ч. 1, Прага, 1925, стр. 268 сл.

⁵ Т. Н. К н и п о в и ч, К вопросу о датировке Ольвийского декрета в честь Протогена, ВДИ, 1966, № 2, стр. 149.

⁶ В. Z g a n j e r, Kelti u Iliriku, «Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku», 1952, 53, стр. 13; J. M o r e a u, Die Welt der Kelten, Stuttgart, 1958, стр. 35.

нонию, доходили до далматинского побережья. На наш взгляд, А. Мочи преувеличивает значение фразы Ливия (XL, 57, 7): *per Scordiscos iter esse ad mare Adriaticum*. То, что путь к Адриатическому морю шел через земли скордисков, еще не означает, что их владения доходили до побережья. Неубедительным представляется также вывод венгерского ученого о гегемонии скордисков в Паннонии на основании лишь того обстояительства, что, кроме них, таврисков и бойев, другие паннонские племена в Придунавье не упоминаются Посидонием в связи с нашествием кимвров (Strabo, VII, 2, 2). На основании археологических данных (раскопки кельтских oppida, а также находки отдельных предметов, в частности кельтских монет, которые самостоятельно чеканились со второй половины II в. до н. э.) Ф. Папазоглу помещает область скордисков между устьем Дравы и излучиной Дуная у Дьердапа (вдоль Дуная) (стр. 279).

Внешнеполитическая история мезов, отраженная источниками, охватывает менее столетия (первые сведения относятся к началу I в. до н. э.). Мезы настолько близко обитали возле трибаллов, что между этими племенами трудно провести более или менее четкую границу. Походы Марка Красса в 30 и 29 гг. до н. э., завершившиеся покорением мезов, — одно из главных событий их истории. Что же касается этногенеза, то автор разделяет гипотезу, предложенную еще в конце прошлого века В. Томашеком⁷, согласно которой мезы относились к фригийско-мизийской группе и представляли остатки самого древнего фракийского населения в северо-восточной части Балканского полуострова, которое было отодвинуто на периферию прибывшей сюда младшей «фракийской» группой даков, гетов, трибаллов и некоторых других племен. Ф. Папазоглу пишет (стр. 311, прим. 58), что выводы Томашека, несмотря на критические замечания и исправления, до сих пор остаются убедительными. Согласно его гипотезе, геты и мезы принадлежали к различным слоям фракийского населения, однако геты были ближе к трибаллам, чем к мезам. Ф. Папазоглу, поясняя, почему мезы не упоминаются авторами на протяжении классического и эллинистического периодов, замечает, что геты и мезы относились к одному и тому же этническому элементу и что имя гетов, более известное понтийским грекам, употреблялось ими также для обозначения мезийских племен (стр. 311).

Если имеющиеся в нашем распоряжении источники проливают весьма слабый свет на факты внешней истории этих пяти племен, то еще труднее, по мнению автора, установить различия в их общественной организации. Одни из них представляли собой смешение родов и племен с весьма слабыми связями, другие — более или менее широкие племенные объединения, которые не обязательно включали все родственные племена, обозначаемые одним именем.

В шестом разделе книги автор пишет о том, что на наиболее низком уровне развития находились мезы, чьи дикие обычаи вызывали удивление и ужас у римлян. По мнению Ф. Папазоглу, это были кочующие скотоводы и охотники, разъединенные на мелкие (очевидно, родовые) группы, перемещавшиеся на обширной территории. Этой разобщенностью, по-видимому, можно объяснить ту быстроту, с какой римляне покорили мезов.

Трибаллы занимались скотоводством, а также примитивным земледелием, вели полукочевой образ жизни, не строили укрепленных поселений. Археологический материал, обнаруженный на их территории, относится к поздней бронзе (дубовацко-жутобрдская и парачинская культуры) и раннему гальштату. В период своего расцвета (IV в. до н. э.) трибаллы были организованы в племена, которые время от времени объединялись в племенные союзы. Ко времени римского проникновения на Балканы они находились на уровне развития мезов. Автариаты, завоевавшие в конце IV в. до н. э. земли трибаллов, немногим отличались от последних. Они также не сооружали постоянных жилищ и укреплений и, как считает автор, периодически образовывали племенные союзы. Такие союзы должны были возникать во время переселений (стр. 341).

На более высоком уровне развития находились скордиски и дарданы. Ф. Папазоглу отмечает наличие связей у этих племен с греко-македонским миром, но тут же

⁷ W. T o m a s c h e k, Die alten Thraker, I, II, 1—2, Wien, 1893—1894.

подчеркивает, что в отличие от южноиллирийских племен и пеонов они остались вне опутимой эллинизации (стр. 6, 396). Дарданы, по мнению автора, были единственным племенем в центральной части Балкан, которые из родо-племенного строя перешагнули в государственную организацию с наследственной царской властью. Они составляли народность, или, по терминологии автора, «народ» (стр. 396). Мнение Ф. Папазоглу о сравнительно высоком уровне развития дарданов и о переходе их к государству, на наш взгляд, нуждается в большем обосновании. В начале II в. до н. э. в междуречье Савы и Моравы возникло государственное образование также у скордисков с главным городом Сингидун (в районе современного Белграда)⁸. Однако процесс перехода к государству и народности у дарданов, по-видимому, шел более интенсивно, чем у скордисков. Не случайно у древних авторов встречается географический и политический термин для обозначения этой страны: ἡ Δαρδανική (Polyb., V, 97, 1; Strabo, VII, 5, 1; 5, 7)⁹, в то время как остальные обозначены этническими именами: οἱ Τριβάλλοι, οἱ Αὐταρῖται, οἱ Σκορδίσκοι, а их страны — выражениями: ἡ τῶν Αὐταρῖτῶν χώρα и т. п. (Strabo, VII, 5, 1; 5, 12). Арриан (I, 1, 4) и Страбон (VII, 3, 9) пишут об Александре, что он двинулся εἰς Τριβάλλους. В Дардании обнаружены в большом числе «градины» — укрепленные города и поселения. Подобные oppida во II в. до н. э. сооружали и скордиски. У трибаллов и мезов подобные сооружения полностью отсутствуют. Строились ли они автариатами — остается пока невыясненным. Исходя из количества мест археологических находок, автор полагает, что густота населения в областях дарданов и скордисков была большей по сравнению с остальными тремя областями.

Итак, в центральной части Балкан на низкой стадии развития находились мезы и трибаллы. Менее определенно Ф. Папазоглу высказывается об автариатах из-за отсутствия надежных источников, однако относит их к этой же группе племен. Более развитую группу в общественном отношении представляли скордиски и дарданы. Не исключена возможность (хотя археологически это пока не подтверждается), что дарданы, подобно скордискам, чеканили монету.

Говоря о религиозных представлениях среднебалканских племен, Ф. Папазоглу, к сожалению, не ссылается на новые археологические находки. В седьмом разделе рецензируемой монографии излагаются главным образом обычаи, некоторые из которых имеют религиозную основу.

Так, согласно Аристотелю (Ториса, 2, 11), трибаллы приносили в жертву престарелых отцов. По мнению Ф. Папазоглу, обычай убийства стариков имел характер обряда. Вскрывая причины этого обычая, Ф. Папазоглу считает, что в мотиве убийства родителя лежит магическая подоснова обрядового убийства царя, которого нужно принести в жертву, вследствие чего сила погибающего якобы переходит к наследнику, совершающему убийство отца¹⁰. У мезов существовал обычай принесения клятвы перед боем. Флор (II, 26) сообщает, что при этом они приносят в жертву коня перед боевым строем, обещая пожертвовать богам внутренности убитых неприятельских вождей. О приношении человеческих жертв у гетов (а стало быть, возможно, и у мезов) упоминает Овидий (Ex. Ponto, IV, 9, 84). Этот кровавый обычай известен также у скордисков. Аммиан Марцеллин (XXVII, 4, 4) передает древнее предание, согласно которому они приносили в жертву Беллоне и Марсу пленников и пили человеческую кровь из черепов. Ф. Папазоглу считает, что в основе каннибализма лежит представление дикарей о том, что, поедая человека, они приобретают не только физическую силу, но и такие качества, как храбрость, мудрость и пр., которые пребывают в какой-то части тела (в сердце, мозгу, печени). Эти представления входят в систему гомеопатической магии. Поедая внутренности вражеских вождей и предлагая то же своим богам, мезы совершали обряд общения с богами путем приобщения к одной и той же пище (стр. 389). Комментируя сообщение Николая Дамасского (Mor. mirab., fr., 115 j) о том, что автариаты не оставляют

⁸ М о г е а ц, ук. соч., стр. 37.

⁹ В переводе Г. А. Стратановского (М., 1964) этот термин заменен выражением «область дарданцев», «Дарданская область», хотя можно было бы вполне употребить «Дардания».

¹⁰ Ср. Дж. Ф р э з е р, Золотая ветвь, т. 1, М.—Л., 1931.

раненых врагу, а стараются добить их сами, автор объясняет это представлениями автариаатов, будто враги, съев сердца раненых и выпив их кровь, могут стать сильнее (стр. 391). У дарданов интересен следующий обычай: отправляясь на переговоры с противником, они берут с собой ягненка и ветвь дерева и, если договорятся, оставляют привезенное, а если нет — увозят с собой (Paradox. Vat., 48, стр. 112). По мнению автора, дарданы оставляли символические дары в знак залога верности (стр. 393 сл.).

К сожалению, нам не известны имена божеств среднебалканских племен, за исключением божества родственного с мезами гетов — Салмоксиса, который, согласно Геродоту, был учеником Пифагора на о. Самосе. Правда, сам Геродот сомневается в этом (IV, 93—96).

Весьма ценным является составленный автором свод источников (стр. 407 сл.), который представляет собой полное собрание литературных отрывков (включая самые краткие) и надписей (греческих и латинских), касающихся прямо или косвенно пяти исследуемых народов. Впервые с такой полнотой собраны и использованы источники, относящиеся к античной истории средних Балкан. Книга заканчивается весьма полной библиографией, составленной по разделам книги, общим указателем и картой.

Книга проф. Фанулы Папазоглу — большое достижение в античной балканистике. Мне хотелось бы присоединиться к высказанному автором мнению, что по прочтении книги пять народов — трибаллы, автариааты, дарданы, скордиски и мезы — предстанут перед мысленным взором читателя намного живее. В историю Балкан доримского времени внесен весьма существенный вклад.

А. М. Малеваный